

«Дорогой «Юпитер»!
На твоих страничках мы часто встречаемся с интересными людьми: артистами, режиссерами, операторами.

Хотелось бы в одном из ближайших выпусков прочитать об артисте Олеге Басилашвили.

В. САВИЦКАЯ, Т. МОРОЗО-

БА, Н. ИВАНОВА.

Ученицы 9-го класса.

Николаев.

* * *

«Без ложной скромности могу сказать, что, несмотря на

свои двадцать лет, я киноактер с большим стажем. И все же, случается, укоряю себя — что-то проглядел, чего-то талант не смог сразу разгадать... Вот, скажем, неожиданно большой взлет в творчестве у Олега Басилашвили. Один только его Бузыкин в «Осеннем марафоне» чего стоит. А вот о нем самом, о его пути в искусство, о том, как он работает, — ничего не знаю. А хотелось бы!»

Н. ТРИФОНОВ,

Студент.

Донецк.

Выполняя просьбу этих и многих других наших читателей, публикуем в сокращении рассказ журналиста М. Павловича о творчестве Олега Басилашвили. Полностью этот материал будет опубликован в одном из ближайших номеров журнала «Сельская молодежь».

Олег БАСИЛАШВИЛИ:

НУЖЕН УСПЕХ У САМОГО СЕБЯ...

Прежде чем пригласить Басилашвили сниматься в фильме «Раба любви», Никита Михалков приехал в Ленинград. Ежедневно приходил на спектакли. Кинорежиссеры не часто посещают театры, чтоб выбрать актера, у них другие меры. Но Михалков искал Южакова.

Кинопромышленник Южаков. Это имя возникает в титрах на фоне съемок немой мелодрамы «Раба любви». За кадром — голоса режиссера, режиссера: «Графиня пошла! На колени! Обнимайтесь! Графиня, дышите чаще!»

Юношеский период кино.

Южаков смотрит на чужого режиссера: «Господи, загуби их дребедень! Мир конкуренции. «Все мы звери в дикой роше, все плюем друг другу в очи».

Кругом враги, шпионы — сюжеты воруют. Рушится мир, разваливается в прах прошлое. А на съемочных площадках женихи все щипают горничных, а у горничных все так же блестят глаза. Дореволюционная история докручивает свои последние кадры.

В Москве большевики... Здесь, на Юге, денкинцы. Посредине петлюровцы. Бывает, тот или иной артист уходит к большевикам. Нарушает контракт.

В «олонии колоритные фигуры. Один определил свои позиции и связан с подпольной эми. Второй — сочувствует. А Южаков? «Живо шампанское! Мы должны всею проститься с этой страной. Шутя, играя. Те, кто борется, гибнут. Мы вот не лезем и живы». Враги не страшны, ибо у бездарностей их нет. Враги существуют для талантов. Враги были у Чехова, у Вахтангова... А у тебя откуда им взяться, милый, добрый, никому зла не делающий дурак.

БАСИЛАШВИЛИ. Люди, пляшущие, куда плывет, целое поколение в искусстве, жившее по принципу будь что будет...

КОРРЕСПОНДЕНТ. После выхода фильма критика немного растерялась: на такую полочную комедию Южакова — и отрицательным? Или?..

БАСИЛАШВИЛИ. Не очень понимаю эти термины. В-третьих, у Южакова — будущее Сатина... А Сатин — кто? Шулер, пьяница, а вызывает симпатию. Все они в «На дне» симпатичные. А хозяин, который дает им приют, вызывает ненависть.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Немного о природе успеха. До этого фильма он, кажется, не слишком ভালовал вас.

БАСИЛАШВИЛИ. Что же такое успех? «Ах, как вы замечательно сыграли!» Это может греть молодого актера, которому надо подтвердить свои силы, а успех должен быть прежде всего у самого себя. Пушкин прав: «Веленью божию, о муза, будь послушна»...

КОРРЕСПОНДЕНТ. Что же вы называете успехом у самого себя?

БАСИЛАШВИЛИ. Состояние, когда чувствуешь, что сделал все и сделал правильно. Когда не стыдно на сцене. Когда полу-

чаю удовольствия от актерской работы. Но если чувствуешь в себе тормоза, а тебя хвалят...

Первым режиссером, который заметил меня, был ассистент Товстоногова Игорь Владимиров. Я был в Ленинградском театре имени Ленинского комсомола. Легко, с большой фантазией Игорь Петрович ставил «Чудесный сплав». Я играл там Гошу. Потом переход в Ленинградский Большой драматический театр имени М. Горького.

...Фильм «Служебный роман». Монтаж кадров рабочего дня в учреждении. Женская рука достает из сумочки косметинку. Сотрудница причисляется. Она — сотрудница причисляет другую. Глаза и рука. Сотрудница косится. Рука и губы в зеркальце. По первому плану проходит женские ноги в короткой юбке. Секретарша смотрит на поднятую ногу в модном сапоге. Объявление в дамском туалете: «Продаю колготки». Шубы, батники, блейзеры. Авоськи с продуктами. Учреждение... как учреждение.

Съемки — в Москве. После вечернего спектакля в БДТ Басилашвили мчит на поезд. Утром является на «Мосфильм» невыспавшийся и с помятой одежде. Он попадает в руки гримеров. Гримеры разглаживают его лицо, преращая в элегантного Самохвалова. В соседней гримерной — обратная операция: Мягкова превращают в издерганного человека. Рязанов: «Самохвалов — это вы, вы, вы, только вы».

Самохвалов ловкий и состоит при вешах: «Марльборо», «Волга», «Филиппс». К таким почему-то тянутся. Калугину боялся, Самохвалова обожают.

БАСИЛАШВИЛИ. ...Каждая эпоха испытывает человека своей пробой. Война проверяла мужеством. 80-е годы — духовностью. Я думаю, духовно развитому человеку не очень важно, что скажут по поводу фирменной наклейки на задку его брюк. Человеку не должен превращаться в машину для добычи вещей.

Если вы бывали в кабинете Толстого или в кабинете Чехова, то видели одно и то же: чехлы, кровать, фотографии, стол. Они не жили вещами. Вещи — средство: сел, поел, лег. Эта интеллигенция — духовна. Ее признак — духовность. И об этом тоже «Служебный роман». Духовность и внутренняя порядочность как-то связаны.

...На период съемок Басилашвили превратился в обаятельного поддлаца. Только по одним глазам можно прочесть, какими «рыжухи» он всех нас считает. Новосельцев — друг. Зна-

чит, его надо пристроить на хорошую должность. Друг — для того чтобы прикрыть в трудную минуту. Иначе зачем он нужен? Любящая женщина — хорошо, но если не очень приятно. В подобном случае надо протянуть любящей руку помощи: вылезать на мостком.

Следующее свидание кинофортуна назначила ему в 1979 году на «Мосфильме». Молчаливый Даниеля с его вечным «не знаю», фильм «Осенний марафон». Немолодой переводчик Андрей Бузыкин. Юная машинистка Алла (Незлова). Перепечатывала его переводы. Переводы были почти гениальными. И случился роман.

Герой-любовник уже давно, видимо, ни от кого ничего не требует. Тут бы отбиться — и на том спасибо. Он непрерывно везде опаздывает, влача за собой хвост незаплаченных долгов, а она все время ждет, ждет, ждет. К тому времени, когда улыбка мима начисто исчезает с лица Басилашвили, Алла начинает предпринимать решительные шаги...

Наш век — век скоростей. Если хочешь не отстать, нужно бежать изо всех сил. Бузыкин бежит. Наш век — век деловитости. День расписан. На руке — будильник. В такой-то час позвонить и соврать жене. В такой-то позвонить и соврать Алле. В такой-то соврать издательству. Реального времени хватает только на то, чтоб ускользнуть от дела. Он не любит свою работу? Нет, только и мечтает о том, чтобы сесть за нсе. Почему же не садится? Нет времени. Слишком многим должен. С женой Бузыкин — жертва, профессору демонстрирует полноту семейного счастья, соседу Васе — демонстрация. Каждый получает от него то, что ждет. Поэтому все принимают его за своего, в то время как он — ничей.

Эту роль Басилашвили нащупывал еще в Обломове, которого он впервые сыграл в учебном спектакле студии МХАТ. Его партнерами были будущий теледиректор Нонна Бодрова и только что принятый новичком худой невзрачный, но затмивший всех, кто был рядом, Евгений Евстигнеев.

Следующий Обломов был на телевидении. Ставил режиссер Белинский. Покой, тоскливый заон часов, разговор о клопах. «Что же это такое? Отчего же я такой?»

Капитуляцию перед жизнью Басилашвили играет и в Войничком («Дядя Ваня»), и в Андрее Прозорове («Три сестры»). Появлялись новые традиции, и вместе с ними появлялся новый Чехов, порой весьма неожиданный.

БАСИЛАШВИЛИ. Переидя в БДТ, понял: предстоит гигантский труд, который неизвестно чем увенчается. Первые годы подтвердили. Первые годы — это одиннадцать лет... Играл

мало, маленькие роли, но в каждую роль вкладывал всю свою жизнь, пусть это и не давало почти никаких результатов. Бесконечные ночные споры с Луспенгаевым (сосед по общежитию), как играть. Мысли кончат с этой профессией навсегда. Товстоногов однажды заметил мое состояние, подошел и сказал: «Вы мне очень нужны, никуда не уходите». И я остался.

Мысль Товстоногова опережает мысль актера. Поэтому с ним спорят. Иногда он соглашается, иногда бывает неумолим. В «Трех сестрах» он вывел меня на сцену в тот момент, когда Лавров, иравший Саленго, говорит, что убьет Тузенбаха. По логике, когда при тебе говорит, что убьют твоего друга, надо бежать в полицию. Стал спорить: я должен позже выйти, чтобы не слышать этих споров. И только на генеральной репетиции понял. Андрей настолько углубился в осмысление своей воспринимал уже философски: правильно — он умрет, я умру, все умрем, мы проиграли жизнь. Атрофия воли... Товстоногов был прав...

Человек без внутренней идеи, без большой цели жить не может. В героях Басилашвили режиссеры увидели возможность исследовать глубины психики современного человека.

КОРРЕСПОНДЕНТ. В плане материальном у большинства наших героев есть все, что им хотелось бы. А жизнь все же не удалась...

БАСИЛАШВИЛИ. Причина? Даниеля определяет ее как конформизм по отношению к самому себе. Бузыкин интеллигентен, он пытается понять другого, чувствует чужую боль: боль соседа, боль Аллы, боль жены. Приходится врать, чтоб им не было больно. Это вопрос, который стоит перед людьми такого типа: либо говорить и творить правду, либо фальшивить и тем самым гибнуть, потому что мягкостью неудовимо собирачивается жестокостью. Заученная улыбка, помогающая избежать маленького конфликта, вызывает еще больший конфликт. Об этом «Осенний марафон». Вернее, он не только об этом. Просто ставит вопросительный знак.

Бузыкину никто не хочет зла. Каждый думает, что делает ему добро. Сосед Вася принес бутылку («Пальчик, обижаетесь!»). Бузыкин послушно пьет. Профессор заставляет бежать. Послушно бежит. Дядя Коля позачивает: «Туалет — там». Идет, хотя и не надо. Даниеля: «Все хорошие, все хотят добра, а в результате получается... Поглядите, что получается». Самая любящая Алла. Но она-то его и добывает своей любовью.

Восемь месяцев репетиций и съемок. Даниеля браковал кадры, по несколько раз снимал одно и то же. Резал все, что оказывалось слишком смешно. К Басилашвили: «Зачем ты играешь? Леонова, что ли хочешь переиграть?»

Жанр предписывает, чтобы герой в финале получил по заслугам: либо он низвергнут, либо женится. Та или иная расплата неминуема. У Бузыкина ни то, ни другое. Потому что он сам никто. Он принадлежит всем, но не себе.

«Осенний марафон» не представляет точек над «i». Посмотрев его, хочется о многом подумать... Прежде всего, благодаря ему, Бузыкину. Вернее, Олегу Басилашвили.

М. ПАВЛОВИЧ.